

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР 18+

САЯКА МУРАТА

コンビニ人間

Привет! Меня зовут

Человек-
комбини

(Homo combini)

いらっしゃいませ!

Стаж, лет: 18

Самая продаваемая книга крупнейшего
лондонского магазина **Foyles** в 2018 году

LibreBook

BRAVE NEW WORLD

Саяка Мурата

Человек-комбини

«Popcorn books»

2016

УДК 821.521
ББК 84(0)6

Мурата С.

Человек-комбини / С. Мурата — «Popcorn books»,
2016 — (BRAVE NEW WORLD)

ISBN 978-5-6044580-0-6

Кэйко Фурукура уже восемнадцать лет подрабатывает в комбини — японском мини-маркете. Она замкнута и не похожа на ровесниц: живёт одна, ни с кем не встречается, не стремится создать семью и найти постоянную работу. Вся её жизнь подчинена распорядку комбини, где она знает наизусть каждый товар и каждую полку. Однако окружающим Кэйко кажется странной. Она вечно ловит на себе косые взгляды и только и слышит от подруг: «Вот найдёшь себе мужчину...» Но однажды в комбини появляется новый сотрудник, который волей случая переворачивает жизнь Кэйко с ног на голову...

УДК 821.521

ББК 84(0)6

ISBN 978-5-6044580-0-6

© Мурата С., 2016
© Popcorn books, 2016

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

19

Саяка Мурата
Человек-комбини (Homo combini)
Роман

コンビニ人間
村田 沙耶香

* * *

Все права защищены. Любое воспроизведение, полное или частичное, в том числе на интернет-ресурсах, а также запись в электронной форме для частного или публичного использования возможны только с разрешения правообладателя.

Copyright © 2016 by Sayaka Murata

Cover images: recep-bg / Getty Images; DAJ / Getty Images; devon / Stockfresh

Original cover design by Luke Bird, 2016

© Издание, оформление. Popcorn Books, 2020

© Д. Коваленин, перевод на русский язык, 2020

* * *

Магазинчик-комбини¹ наполняют самые разные звуки. Перезвон курантов при входе и выходе покупателей. Голоса поп-звёзд, рекламирующих новый товар между песенками по кабельному радио. Зазывные приветствия продавцов. Пищанье сканера при считывании штрих-кодов. Стук товара о дно корзины. Шелест упаковки взятого с полки хлеба. Задумчивое цоканье каблучков. Всё это сливается в единую «Симфонию комбини», ласкающую мои барабанные перепонки.

Из холодильника возле кассы вынимают бутылку, на её место выкатывается новая. *Клац!* – и я поднимаю голову. Холодные напитки часто берут в последнюю очередь, и на это клацанье моё тело отзывается рефлекторно. Но покупательница, взяв минералку, не проходит на кассу, а зависает над полками с десертом, и я вновь опускаю взгляд.

---

¹ Комбини (яп. сокр. от англ. convenience store – «удобный магазин») – круглосуточный магазин шаговой доступности, символ комфортности японской повседневной жизни. В таком магазине, помимо товаров первой необходимости, можно купить упакованный в коробку обед, горячий кофе и другие напитки (в том числе алкоголь), снять наличные в банкомате, приобрести билеты на концерт, отправить письмо или получить посылку, воспользоваться вай-фаем, туалетом и т. п. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Выставляю на стеллаже только что завезённые онигири², и моё тело считывает информацию из бесчисленных звуков, рассеянных по магазину. В эти утренние часы хорошо продаются онигири, сэндвичи, салаты. В другом конце зала Сугавара, такая же временная работница, как и я, проверяет поступивший товар, орудуя маленьким сканером. А я методично, упаковку за упаковкой, расставляю чистенькие, вылепленные роботами рисовые лепёшки. Двумя рядами на центральной полке выкладываю новинку – с минтаевой икрой и сыром; ещё в два ряда по соседству – с тунцом и майонезом, они у нас нарасхват; а те, что с тунцовой стружкой, которые почти не покупают, помещаю в самом углу. В этом процессе главное – скорость, и я почти не включаю голову: моё тело просто следует правилам, пропитавшим меня изнутри.

Дзын-нь! – еле слышно звякает мелочь; голова моя тут же поворачивается, взгляд устремляется к кассе. К звукам денег я очень чувствительна: те, кто бренчит монетами в ладонях или карманах, как правило, заскочили сюда за газетами-сигаретами и торопятся уйти. Я не ошиблась: к кассе подходит мужчина – одна рука в кармане, в другой – банка кофе. Чтобы не заставлять клиента ждать, я мигом перепархиваю через зал, проскальзываю за прилавок и сгибаюсь в лёгком поклоне за кассой.

– *Ирассямасэ?*³ Доброе утро! – приветствую я и беру банку из его рук.

– Ах да! Ещё пачку сигарет. Номер пять...

– Слушаюсь!

Достаю пачку лёгких «Мальборо» с ментолом, сканирую штрих-код.

– Для подтверждения возраста, пожалуйста, коснитесь экрана.

Он прижимает палец к монитору, но тут его взгляд падает на витрину с горячим фаст-фудом, и моя рука застывает над клавишами кассы. Я, конечно, могла бы спросить его: «Что-нибудь ещё?» – но решаю подождать, пока он сам не определится с выбором.

– И ещё корн-дог⁴.

– Конечно. Большое спасибо.

Протираю руки спиртовыми салфетками, открываю витрину, заворачиваю корн-дог.

– Горячее и холодное упаковать отдельно?

– Да ладно! Можно и вместе.

Быстро укладываю кофе и корн-дог в пакет размера S. Мужчина вдруг перестаёт бренчать мелочью в кармане брюк и, спохватившись, лезет в нагрудный карман. Видно, решил расплатиться картой.

– У меня «Суйка»⁵.

– Поняла вас. Приложите сюда, пожалуйста.

Тело машинально считывает все невольные жесты и взгляды покупателей – и отзывается на эти сигналы. Глаза и уши сканируют мельчайшие движения и пожелания клиентов. Стараюсь не раздражать их излишней предупредительностью, мои руки порхают сами, исходя из полученной информации.

– Ваш чек, пожалуйста. Благодарим за покупку!

Забрав чек, мужчина бросает «спасибо» и исчезает.

² Онигири (яп.) – популярное блюдо японской кухни: рисовые колобки, слепленные в виде треугольника или шара и завернутые в листья из сушёных водорослей (нори), с начинкой из морепродуктов, мяса и т. п.

³ Ирассямасэ! (добро пожаловать, яп.) – самая стандартная японская фраза для приветствия клиентов в заведении.

⁴ Корн-дог (англ. corn dog – букв. «кукурузная собака») – традиционная горячая закуска американской кухни: сосиска в тесте из кукурузной муки, обжаренная в кипящем масле.

⁵ «Суйка» (Suica) – пластиковая карта для оплаты проезда в японском общественном транспорте, а также для мелких покупок в торговых точках на автобусных и ж/д станциях. Изначально введена в 2001 году как пополняемая (депозит). Но уже в 2008 году её привязали к кредитной карте владельца – и стали принимать для оплаты в магазинах-комбини по всей стране.

– Простите за ожидание. Доброе утро, добро пожаловать, – кланяюсь я стоявшей за ним девушке. И чувствую, как исправно движется время под названием «утро» в этой залитой солнцем стеклянной коробке.

За стеклом, надраенным так, чтобы не осталось ни отпечатка пальца, деловито снуют по улице пешеходы. Начало дня. Мир просыпается, его шестерёнки начинают вертеться. Вместе с ними верчусь и я. Став одной из его деталей, проворачиваюсь во времени суток под названием «утро».

Собираюсь бежать обратно к стеллажу с онигири, но тут меня окликает наша заведующая Идзүми-сан:

– Фурукура! Сколько у тебя в кассе пятёрок?⁶

– Только две осталось!

– О чёрт! И чего это сегодня сплошь десятки несут? Вот и в сейфе уже ни одной... Как только схлынет клиент, примем товар – и схожу-ка я в банк.

– Спасибо!

Ночных сменщиков не хватает, так что по ночам на работу выходит наш директор, а в дневные часы мы в паре с Идзүми-сан, моей сверстницей, заправляем магазином, точь-в-точь как настоящие продавцы на полной ставке.

– В общем, часиков в десять сбегаю разменяю... Ах да! Придёт клиент, который заказывал суси, учти!

– Ха-ай...

Смотрю на время: десятый час. Вот-вот схлынет утренний поток покупателей, мы быстро примем товар – и начнём готовиться к обеденному вавилону. Распрямив плечи, возвращаюсь в зал к онигири.

Свою жизнь до перерождения в Человека-комбини я помню смутно.

Выросла в пригородном микрорайоне – в обычной семье, окружённая обычной родительской заботой. Хотя сама была ребёнком со странностями.

Так, однажды, ещё когда ходила в детсад, я увидела в парке мёртвую птицу. Красивую, сине-зелёную – обычно таких держат дома. Птица лежала в траве с закрытыми глазами и свёрнутой шеей, и дети, обступив её, плакали. «Что же делать?!» – всё причитала какая-то девочка, а я положила птицу на ладонь и отнесла к маме, болтавшей с кем-то на лавочке.

– Что с тобой, Кэйко? Ох, птичка... Откуда же она прилетела? Бедняжка! Давай похороним её? – предложила мама и погладила меня по голове.

– Давай её съедим, – ответила я.

– Что?!

– Ну, папа же любит якитори⁷. Вот сегодня пожарим и съедим.

Решив, что меня плохо слышно, я повторила это громче и отчётливей. Мама вздрогнула, а мать другой девочки, сидевшая рядом, выпучилась на меня – то ли от удивления, то ли ещё почему. Глаза и рот её распахнулись, ноздри расширились, и это выглядело так странно, что я чуть не прыснула со смеху, но заметила, что она уставилась на мою руку, и подумала, что одной птички папе, наверное, не хватит.

– Принести ещё?

Я оглянулась на парочку воробьёв, скакавших неподалёку, но тут мама наконец пришла в себя.

---

⁶ 5000 иен – крупная японская банкнота (порядка 50 долларов США), ценнее которой уже только «десятка».

⁷ Якитори (яп. букв. «жареная птица») – японское блюдо: мини-шашлычки из кусочков курицы, поджаренные над углями на бамбуковых шампурах.

– Кэйко! – закричала она с упрёком. – Нужно вырыть птичке могилку и похоронить её. Все детки плачут, видишь? Всё равно что дружок умер. Ты не хочешь её пожалеть?!

– Зачем? Она всё равно уже мёртвая.

Мой ответ лишил маму дара речи.

В моей же голове только и вертелась картинка: мы всей семьёй уплетаем эту пичужку за обе щеки. Папа любит птицу на углях, мы с сестрой обожаем фритюр. В этом парке столько птиц, не понимала я, можно принести побольше домой и наестся от пуза, зачем же закапывать в землю?

Но мама не унималась:

– Смотри, какая миленькая... Давайте выроем для неё могилку, где-нибудь вон там, а потом все вместе принесём туда цветы!

В итоге все так и поступили. Зачем – я не понимала, хоть тресни. Что взрослые, что дети в один голос всхлипывали, жалея «бедную птичку», и без всякой жалости выдёргивали с корнями цветы на газонах вокруг.

– Какие красивые цветочки! Пускай птичка порадует! – причитали эти люди так, будто все разом сошли с ума.

За оградой с надписью «По газонам не ходить!» они вырыли ямку, похоронили птицу, воткнули сверху палочку от мороженого из соседней урны – и завалили могилку трупиками погибших цветов.

– Как печально, Кэйко, правда? Бедная птичка, скажи? – твердила мама как заведённая, но ни капли жалости я в себе так и не ощутила.

Похожие ситуации повторялись снова и снова. Когда я только пошла в первый класс, на уроке физкультуры двое мальчишек сцепились в драке, поднялся жуткий переполох.

– Позовите учителя! – завизжали все вокруг. – Остановите их кто-нибудь!

«Ага! – догадалась я. – Так значит, их надо остановить?»

Рядом оказался ящик с пожарным инструментом, я открыла его, достала совковую лопату, подбежала к дерущимся и огрела кого-то из них по голове.

Раздался жуткий крик, пацан схватился за голову и рухнул наземь. Убедившись, что он затих, я развернулась, чтобы унять его соперника, и уже замахнулась лопатой снова, но девочки вокруг завизжали навзрыд:

– Кэй-тян, стой! Прекрати!

Тут наконец прибежали учителя – и, обалдев от увиденного, потребовали от меня объяснений.

– Все кричали «остановите их», – пожалала я плечами. – Ну, я и остановила. Самым быстрым способом.

В полном замешательстве учителя принялись сконфуженно повторять, что насилие – это не способ.

– Но все же хотели, чтобы А́рки с Ямадз́аки перестали драться! Вот я и решила, что так-то уж точно их разниму, – объясняла я как можно вежливей, не понимая, за что на меня сердятся. Но в итоге маму вызвали на заседание педсовета.

Глядя, с каким серьёзным лицом мама кланяется каждому учителю – «Извините! Простите!», – я чувствовала, что мой поступок, наверно, и правда был чем-то непростительным, но почему – для меня оставалось загадкой.

Нечто похожее случилось и на другом уроке, когда учительница в классе вдруг забилась в истерику и начала, истошно воя, колотить журналом по столу.

– Сэнсэй, простите нас!

– Не надо, сэнсэй!

Мы умоляли всем классом, но она не унималась. И тогда, надеясь заставить её умолкнуть, я подбежала к ней и решительно сдёрнула с неё юбку вместе с трусиками. Молоденькая учительница ахнула и разрыдалась, но уже очень скоро затихла.

Прибежавшему на её вопли учителю из соседнего класса я объяснила, что видела по телевизору фильм, где со взрослой тёти, которая громко кричала, сняли одежду, и она тут же утихла; но, как я и боялась, без разборок не обошлось и на этот раз.

– Как же ты не понимаешь, Кэйко?! – в отчаянии шептала мама, обнимая меня по пути с того педсовета домой. Похоже, я опять облажалась, но как именно – снова не понимала, хоть тресни.

Родители хватались за голову, не зная, что со мной делать, но продолжали меня любить. Я же вовсе не хотела, чтобы они огорчились и извинялись за меня перед белым светом, и потому решила не высказывать ничего резкого за пределами родного дома. Начала подражать другим, делать то, что мне говорят, – в общем, напрочь запретила себе проявлять какую-либо инициативу.

Заметив, что я перестала нести что в голову взбрédёт и своевольничать, взрослые, похоже, вздохнули спокойно.

К старшим классам я превратилась в такую тихоню, что это уже стало проблемой само по себе. Для меня же молчание было спасением, идеальным ноу-хау, помогавшим пробираться по жизни. «Заводи больше друзей! Играй с ними чаще на улице!» – советовала мне классная в дневнике, но я продолжала гнуть свою линию и раскрывала рот лишь по крайней необходимости.

Моя сестрица двумя годами младше была «обычным» ребёнком. Но почему-то не отдалилась от меня, а наоборот, здорово ко мне привязалась. Когда мать распекала её за те «обычные» провинности, которые мне прощались, я подходила и спрашивала: «Мама, почему ты злишься?» От этих вопросов мама переставала ругаться, а сестра, видно, думала, что я таким образом её покрываю, и всякий раз потом говорила «спасибо». А ещё я частенько отдавала ей свои конфеты или игрушки, поскольку была к ним равнодушна. Вот она и ходила повсюду за мной, как приклеенная.

Родители меня любили, берегли – и потому переживали за мою психику с утра до вечера. Однажды я подслушала, как они совещались по мою душу:

– Что же делать? Может, ещё поправится?

«Вот как? – помню, подумала я тогда. – То есть внутри меня нужно что-то *поправить*?»

А затем меня долго везли на папиной машине в другой город на консультацию. Доктор сперва заподозрил семейный разлад, но при виде спокойного, солидного папы – служителя банка и робкой, но ласковой мамы, а также любящей младшей сестры проникся ко всем нам симпатией.

– Ну что ж! Окружите её заботой и лаской, а там и понаблюдаем, что дальше, – только и сказал он родителям на прощанье. Что звучало полной бессмыслицей: заботы и ласки дома мне и без его советов хватало.

В школе со мной никто не дружил, но никто меня и не обижал; так, не высовываясь и не болтая лишнего, я вполне успешно её закончила.

Да и в универе по большому счёту осталась такой же. Перемены обычно проводила одна, о личной жизни почти ни с кем не болтала. Мои рецидивы, которые всех так пугали, остались в детстве, но родители всё равно волновались, смогу ли я *такая* выжить в обществе самостоятельно.

«Я должна *поправиться*», – думала я, взрослея.

Магазинчик «Смайл-Март» возле станции Хииромáти открылся 1 мая 1998-го, едва я стала студенткой.

Хорошо помню, как наткнулась на него ещё до открытия. В универе нам задали посмотреть пьесу театра Но. Друзей у меня не водилось, домой я возвращалась одна – и, слегка заплутав, очутилась в деловом районе, где прежде никогда не бывала.

Внезапно я поняла, что вокруг – ни души. Я очутилась в пейзаже из белых офисных многоэтажек – опрятных и фальшивых, точно картонные макеты. В городе-призраке, состоящем из одних только зданий. Воскресный полдень – а в целом квартале, кроме меня, ни души...

Чувствуя, что меня уносит куда-то в иные миры, я ринулась на поиски метро. Наконец, заметив указатель «Подземка», я обрадовалась и побежала к нему. Но вдруг упёрлась взглядом в нечто вроде аквариума, под который переоборудовали весь первый этаж очередного белого снежного здания.

«„Смайл-Март“ на Хииромати! Скоро откроемся! Требуются работники!» – сообщал одинокий плакат на стеклянной стене. Больше – ни вывесок, ни надписей, ничего. Я вгляделась внутрь – никого; ремонт ещё не закончен, вдоль стен с обрывками полиэтилена тянутся голые белые полки. Просто не верилось, что этакая пустошь скоро превратится в магазин.

Денег, что мне присылали из дома, на жизнь хватало, но хотелось бы и самой подрабатывать. Я записала телефон с плаката, позвонила на следующий день. И после короткого собеседования меня тут же приняли на работу.

Обучение начиналось со следующей недели, и в назначенный час, когда я пришла сюда снова, аквариум уже чуть больше походил на магазин. Оформить успели только галантерейный стеллаж, на котором аккуратными рядами разложили носовые платки и всякую мелочовку.

Все, кого наняли на подработку, собрались в зале. Девчонка – с виду студентка вроде меня, паренёк, явно сменивший уже с десятков подработок как минимум, женщина постарше – как пить дать домохозяйка – и ещё человек пятнадцать разного возраста и манеры одеваться слонялись по магазину, не зная, куда себя деть.

Наконец появился наставник, выдал всем униформу. Нацепив фирменные курточки, мы привели себя в порядок согласно «образцам внешнего вида» на учебных плакатах. Все сняли часы и украшения, девушки подобрали волосы – и, как бы ни различались до этого, стали вдруг на одно лицо.

Лицо Человека-комбини.

Первым делом мы отработали улыбку и приветствие. Следуя образцам на учебных плакатах, приподнимали уголки губ, растягивали лицевые мышцы – и, построившись в линейку, выкрикивали по очереди: «*Ирассяимасэ-э-э!*» Дотошный наставник внимательно слушал каждого – и требовал повторить, если кто-нибудь говорил слишком тихо или улыбался не очень радостно.

– Шире губы, Окамото-сан, не стесняйтесь! Громче, Айдзаки-кун!.. Итак, повторим ещё раз!.. Отлично, Фурукура-сан! Так держать!

Подражать чужой мимике – актёров из видео, что нам крутили в подсобке, или того же наставника – у меня получалось лучше всех. До этого мне ещё никто не объяснял, как следует улыбаться и каким голосом говорить.

Все две недели до открытия нас разбивали на пары и заставляли разыгрывать по ролям общение с покупателем. Оттачивали до автоматизма наше умение кланяться, глядя клиенту в глаза; заворачивать в бумажную упаковку гигиенические прокладки; раскладывать по разным пакетам горячие и холодные продукты; протирать руки спиртовым раствором перед подачей фастфуда. Обращаться с деньгами нас учили на реальных банкнотах, и только на кассовых чеках пропечатывались крупные буквы: «УЧЕБНЫЙ». Но поскольку «покупателями» были свои же сотрудники, это всё равно напоминало детскую игру «в магазин».

Забавно было наблюдать, как студентка-первокурсница, рок-музыкант, отвязный фрилансер, замужняя домохозяйка, ученик вечерней школы и прочие совершенно разные люди, надев магазинную форму, становились одинаковыми существами – такими *homo kombini*. А

когда очередной день обучения заканчивался, снимали фирменные курточки – и принимали своё прежнее обличье. Как если бы униформа превращала нас в иной биологический вид.

Наконец двухнедельная учёба закончилась, и настал день открытия. Я вышла на смену пораньше. На прежде пустых белых полках теперь не осталось свободного места. Плотно расставленные на них товары казались игрушечными.

Время открытия подошло, один из сотрудников отпер двери – и в этот миг я подумала: вот теперь всё взаправду. Отныне покупатели будут не «учебные», а самые настоящие. И самые разные. Вокруг шумел деловой квартал, так что посетителей я воображала себе сплошь в костюмах с галстуками или униформе. Но раньше всех остальных к нам нагрянул целый отряд местных жителей со скидочными купонами, которые мы расклеивали на улицах накануне. А первым нашим клиентом стала пожилая дама. Я наблюдала, будто во сне, как эта старушка входит в зал, опираясь на трость, а следом затекает бурная волна посетителей с купонами на онигири и бэнто⁸.

– Фурукура-сан? – вернул меня в реальность шёпот наставника. – Ну же... Подайте голос!

– *Ирассяимасэ!* – включилась я наконец. – Только сегодня – распродажа по случаю открытия! Господа покупатели! Не упустите свой шанс!

Теперь, в магазине с *реальными* покупателями, даже мой голос звучал иначе.

Откуда мне было знать, что существа по имени «господа покупатели» способны производить столько шума? Что они начнут так назойливо шаркать ногами, болтать, хрустеть упаковками швыряемых в корзины конфет – и так безуданно хлопать дверцей холодильника, доставая напитки, что моё «ирассяимасэ», произнесённое в тысячный раз, будет тонуть во всей этой какофонии настолько отчаянно?

Стройные монбланы из упакованных продуктов и десертов господа покупатели очень скоро превращают в бесформенные груды. И так старательно выстроенный мир нашего комбинина перерождается под их руками в нечто живущее по своим законам и правилам.

К моей кассе подходит старушка, что первой же переступила порог магазина.

Стоя перед ней, я лихорадочно листаю в памяти страницы инструкции. Она же выставляет на прилавок корзину с пирожным, сэндвичем и парочкой онигири.

При виде первого в жизни покупателя я расправляю плечи. Под пристальным взглядом наставника кланяюсь в точности по инструкции.

– *Ирассяимасэ!* – говорю я голосом актрисы из учебного видео. И, приняв корзину, начинаю сканировать товар, как учили. Мой наставник, стоя рядом, проворно складывает покупки в пакет.

– Во сколько вы открываетесь? – спрашивает старушка.

– Э-э... Сегодня открылись в десять, но... Но теперь будем работать всегда!

Гладко отвечать на вопросы, которых не было в инструкции, я пока не привыкла, и наставник тут же выручает меня:

– Мы сегодня открылись и теперь будем работать круглосуточно. Без выходных. Приходите в любое время!

– Ого... Что, и ночью? И даже рано утром?

– Так точно, – киваю я.

– Как удобно! – улыбается мне старушка. – Мне-то, знаете, ходить уже трудно, спина не разгибается... А супермаркет так далеко!

– Да-да, теперь мы работаем круглосуточно. Приходите в любое время! – повторяю я слова наставника.

– Вот и хорошо... У продавцов небось работа тоже не сахар!

---

⁸ Бэнто́ (*яп.*) – традиционный завтрак (обед и т. п.) в коробке, который берут с собой на работу, в дорогу или покупают в пути.

– Спасибо! – энергично кланяюсь я вслед за наставником.
– Вам спасибо, – смеётся старушка, отходя от кассы. – Ещё приду!
– Молодец, Фурукура-сан, – хвалит меня наставник. – С первым клиентом справились безупречно. Так держать... А вот и следующий!

Я оборачиваюсь. Второй покупатель уже приближается к кассе. В его корзине – целая куча онигири со скидкой.

– *Ирассяимасэ!* – повторяю я в точности тем же тоном, с поклоном принимая корзину. И в этот миг впервые в жизни ощущаю себя шестерёнкой Вселенной. Которая только что появилась на свет. Да, я – безупречная деталь механизма этого мира, и сегодня мой день рождения.

Иногда я подсчитываю на калькуляторе, сколько прошло с того дня. «Смайл-Март» на Хииромати не закрывается никогда, его огни сияют каждую ночь; недавно этот комбини встретил свой девятнадцатый перерождение – а значит, с момента его открытия минуло 157 800 часов. Моему телу исполнилось тридцать шесть, а магазинчику – и мне как его продавцу – восемнадцать. Никого из тех, с кем я прошла обучение, в нём уже не осталось. Он пережил восемь директоров. Даже товары, которыми мы торговали тогда, сменились все до единого. И только я по-прежнему здесь.

Моя семья очень радовалась, когда я устроилась на эту подработку. И даже когда я закончила универ, но заявила, что не брошу «Смайл-Март», все домашние поддержали меня. Видно, сочли, что с моей оторванностью от мира даже эта подработка в комбини – спасительный прогресс.

На первом курсе я отработывала по четыре смены в неделю, включая выходные. Теперь таких смен уже пять. Добравшись с работы до своей клетушки площадью в шесть татами⁹, я тут же валюсь на футон¹⁰, который всегда расстелен. Эту дешёвую квартирку я нашла ещё на абитуре, да и съехала туда от родителей.

И хотя со временем родители начали волноваться за то, что я даже не стараюсь найти постоянную должность, а год за годом упрямо работаю в одном и том же магазинчике, – менять что-либо уже было поздно.

Почему мне нужна именно временная подработка в комбини, а не «обычные» место и должность в каком-нибудь офисе, я и сама не знала. Следуя безупречной Служебной Инструкции магазинчика, я сумела стать нормальным продавцом. Но насколько «нормальной» я смогла бы стать, действуя за рамками инструктажа, – вопрос не из лёгких.

Продолжая любить меня, родители очень стараются смотреть на мою «вечную подработку» сквозь пальцы. Чувствуя себя виноватой, я лет с двадцати пыталась устроиться в приличное место. Но моё резюме, в котором не было ничего, кроме подработки в круглосуточном магазинчике, очень редко рассматривали всерьёз. А если дело всё-таки доходило до собеседования, на главный вопрос – почему же я столько лет проторчала в комбини? – ничего внятного ответить я не могла.

Оттого ли, что работаю почти ежедневно, я часто вижу во сне, как снова стою за кассой. Ах, на новых чипсах не выставлена цена! Ой, горячий чай в автомате раскуплен, пора заряжать новый! От таких снов меня то и дело подбрасывает среди ночи. А однажды я даже проснулась от собственного крика «*ирассяимасэ!*».

Когда же ночью не спится, я думаю о прозрачной коробке, за стеклянными стенами которой не перестаёт кипеть жизнь. Прямо сейчас, в эту минуту, чистенький, безупречный аква-

---

⁹ Татами (яп.) – толстый соломенный мат, а также мера площади пола в жилых помещениях. 1 татами = 90×180 см (1,62 м²). Здесь речь идёт об однокомнатной квартире площадью чуть меньше 10 м².

¹⁰ Футо́н (яп.) – толстый матрас, а также соответствующий постельный комплект для сна на земле или на полу. В традиционном японском жилище его расстилают на ночь, а утром убирают в специальную нишу в стене.

риум продолжает работать как заведённый. Стоит мне вообразить эту сцену, как в ушах начинает звучать «Симфония комбини» – и я, успокоившись, засыпаю.

Ведь когда придёт утро, я опять стану *homo kombini* – и превращусь в шестерёнку этого мира. Одно лишь это и делает меня «нормальным человеком».

В восемь утра я открываю дверь «Смайл-Марта» на Хииромати.

Моя смена начинается с девяти, но обычно я прихожу пораньше и завтракаю в подсобке. Покупаю себе двухлитровую бутылку минералки, пару булочек или сэндвичей, у которых вот-вот истечёт срок годности, и приступаю к завтраку.

В подсобке висит большой экран, на который выведены все камеры наблюдения за торговым залом. Наблюдая, как Дат, новичок из Вьетнама, судорожно стучит по клавишам кассы, а наш директор бегаёт по залу у него на подхвате, я глотаю свой сэндвич, готовая в любую секунду нацепить униформу и ринуться к ним на помощь.

В целом на завтрак я съедаю какой-нибудь хлеб с наших полок, на обед – фастфуд или онигири оттуда же, да и на ужин, особенно если устала, покупаю себе что-нибудь, не отходя от кассы.

Полбутылки минералки я выпиваю на работе, остальное забираю домой, и одной бутылки хватает до самого вечера. Думая о том, что жизнь моего организма почти целиком поддерживается продуктами из комбини, я ощущаю себя такой же составной частью магазина, как стеллаж с галантереей или кофемашина.

После завтрака я сверяю прогноз погоды с данными о товарах. Информация о погоде для комбини бесценна. Особенно – разница температур в сравнении со вчерашним днём. Так, сегодня будет от +14 до +Днём облачно, вечером дождь. Значит, покажется холоднее, чем на самом деле.

В жаркие дни хорошо продаются сэндвичи, в холодные – онигири, паровые булочки с мясом, хлеб. Горячий фастфуд возле кассы тоже зависит от температуры за окном. Когда зябко, хорошо раскупаются картофельные крокеты. Сегодня они со скидкой – значит, нужно заготовить побольше.

Постепенно подтягиваются и остальные работники утренней смены.

В половине девятого дверь распахивается и раздаётся хриплый голос:

– Доброе утро!

Это пришла Идзуми-сан – наша заведующая, которую мы все очень уважаем. Идзуми-сан старше меня на год, ей тридцать семь, и она домохозяйка. В общении резковата, но пашет как лошадь. Одевается немного кричаще; пройдя к своему шкафчику, сбрасывает высоченные каблуки, чтобы сунуть ноги в кроссовки.

– Фурукура? Как всегда, спозаранку? О, новую булку пробуешь? Ну и как тебе? – спросила Идзуми-сан, заметив булочку с манго и шоколадом в моей руке.

– Начинка на любителя. Пахнет резковато, много не съешь. Так себе, если честно!

– Серьёзно? Вот чёрт. А директор наказыывал их целую сотню! Постараемся продать хотя бы те, что поступили сегодня...

– Ха-ай!

Большинство наших временных работников – студенты или молодые фрилансеры, и моих ровесников почти не встретишь.

Идзуми-сан подбирает каштановые волосы, надевает поверх синей футболки белую рубашку, завязывает голубой галстук. Когда наш магазин открывался, такого правила не было, но потом у «Смайл-Марта» сменился владелец, и теперь под фирменной курточкой мы носим рубашку и галстук.

Пока Идзуми-сан поправляет перед зеркалом одежду, в подсобку врывается Сугавара.

– Доброе утро!

Сугаваре двадцать четыре, она весёлая и горластая. Выступает вокалисткой в рок-группе и постоянно грозит переокрасить свою ультракороткую стрижку в красный цвет. Девушка пухленькая и довольно приятная, но до появления Идзуми-сан она постоянно опаздывала, а также заступала на смену в серёжках, за что не раз получала взбучку от директора. Однако у Идзуми-сан не забалуешь – и даже Сугавара, взявшись за ум, стала относиться к работе серьезнее.

В дневную смену кроме нас работают ещё двое: долговязый студент Иваки и фрилансер Юкисита. Последний наконец-то нашёл постоянную работу и скоро уходит из магазина. Иваки тоже частенько берёт отгулы из-за поисков работы, так что нашему директору придётся выбирать: или возвращаться на дневную смену самому – или нанимать новеньких, иначе работа в магазине встанет.

Почти всё моё нынешнее «я» состоит из тех, кто меня окружает. На одну треть – из Идзуми-сан, ещё на треть – из Сугавары, процентов на двадцать – из нашего директора, и пока ещё немного – из Сасаки, уволившейся полгода назад. А кроме того, во мне осталось чуть-чуть Окадзаки, нашего бывшего заведующего, и других людей из прошлого, которых я впитала в себя, становясь тем, чем являюсь сегодня.

В меня проникают манеры речи и интонации тех, кто рядом, моего ближайшего окружения. К примеру, на данный момент я разговариваю на смешанном языке Идзуми-сан и Сугавары.

Хотя, думаю, нечто подобное происходит с большинством людей. Однажды в наш магазин заглянула вся рок-группа Сугавары, так девчонки оттуда и одевались, и разговаривали совсем как она. Едва у нас появилась Идзуми-сан, Сасаки начала точно так же говорить на прощанье «всем-спасибо-до-завтра!». А как-то раз к нам заявила помогать подруга Идзуми-сан с её прежней подработки, тоже домохозяйка, и обе оказались такими одинаковыми как на глаз, так и на слух, что мы весь день боялись их перепутать! Вот и моя манера речи, возможно, передаётся кому-то ещё. Ведь, похоже, именно так, постоянно заражая друг друга чем-то подобным, люди и остаются людьми...

Вне работы Идзуми-сан любит принарядиться, но при этом одевается очень стильно для почти сорокалетней дамы, и я частенько беру на заметку, от какого изготовителя у неё туфли или что написано на ярлыке её пальто. А однажды я даже заглянула к ней в косметичку, которую она оставила в подсобке, и переписала все бренды её косметики. Конечно, если бы я просто покупала всё точно такое же, Идзуми-сан вычислила бы меня на раз. Поэтому я вбивала бренды в интернет-поиск, находила блоги, в которых те упоминаются, а затем покупала уже то, что советовали авторы этих блогов. Ибо действительно считаю, что внешний вид Идзуми-сан – её одежда, причёска, аксессуары и так далее – достойный образец того, как должна выглядеть женщина за тридцать.

Взгляд Идзуми-сан вдруг падает на мои туфли.

– О! Это же туфли с Омотэсандо?¹¹ Красивые. У меня сапоги той же марки!

Сидя со мной в подсобке, Идзуми-сан говорит расслабленно, чуть растягивая окончания фраз. Эти туфли я купила в бутике сразу после того, как украдкой подсмотрела бренд на подошве её сапог, пока она ходила в туалет.

– Да ну? Вы про тёмно-синие? Однажды вы приходили в них, мне они сразу понравились! – сказала я с интонацией Сугавары, хотя и добавила «взрослости». Сугавара проговаривает слова громко и чётко, будто выбивает стаккато. Её манера говорить – полная противоположность речи Идзуми-сан, но нечто среднее между ними подходит мне в самый раз.

– Да, Фурукура, у нас с тобой вкусы сходятся. Вот и сумка твоя вполне в моём духе... – улыбается Идзуми-сан.

¹¹ Омотэсáндó – квартал в центральном Токио, мекка японской моды.

Ну ещё бы, думаю я. Ведь я беру её вкусы за образец! И совсем не случайно всё-таки выгляжу «нормальной женщиной», которая носит подобающую возрасту сумочку, а с собеседниками выдерживает идеальную дистанцию, чтобы не казаться ни слишком назойливой, ни чересчур холодной.

– Идзуми-сан! Вы вчера выходили на смену? Вся лапша на складе разворошена! – кричит Сугавара, переодеваясь у своего шкафчика.

– Выходила, а как же! – кивает Идзуми-сан. – Днём всё ровно было. А ночной сменщик вдруг опять взял отгул. Попросила Дата его заменить, а он у нас ещё совсем желторотый...

– Опять загулял? Во даёт! А ведь знает, зараза, что у нас рук не хватает!.. Неудивительно, что в магазине такой бардак... Холодильник с напитками совсем пустой... И это в самый утренний пик! – ругается Сугавара, приближаясь к нам и застёгивая курточку на ходу.

– И не говори. Хуже некуда. Директор уже ворчит, что через неделю придётся в ночь самому выходить. А то сейчас у нас там один новичок, и всё.

– А скоро из дневной ещё Иваки уйдёт! Ну дела... Уходишь – так предупреди заранее. Какого чёрта всех подставлять-то?

Идзуми и Сугавара разговаривают на повышенных тонах, и я начинаю напрягаться. Хотя такое чувство, как гнев, лично мне почти не знакомо. Я просто думаю: «Люди уходят, и нам придётся туго».

Пытаясь изобразить Сугавару, я копирую её мимику примерно так же, как во время учёбы.

– Опять загулял? Во даёт! – повторяю я за ней слово в слово. – Знает ведь, зараза, что у нас рук не хватает! Поверить не могу!

– Ха-ха! – смеётся Идзуми-сан, снимая часы и кольца. – Ну вот, даже Фурукура не выдержала! Но ты права. Бардак такой, что верится с трудом...

С первых же дней работы в комбинии я заметила, какой радостью светятся лица работников, когда они вместе на что-нибудь злятся. Наорал на них, скажем, директор или кто-то не вышел на смену – и всех очень радует странное чувство сплочённости в общем гневе.

Я смотрю на Сугавару с Идзуми-сан – и с облегчением перевожу дух. Значит, всё-таки получилось сыграть в «нормального человека». В который уж раз за годы работы в комбинии мне это удалось?

Идзуми-сан смотрит на часы.

– Ну что? Построимся?

– Ха-ай!

Втроём мы выстраиваемся в линейку для утреннего приветствия. Идзуми-сан, раскрыв тетрадку, зачитывает повестку дня:

– Сегодня мы рекомендуем покупателям новые булочки с манго и шоколадом. Не забываем про громкие напоминания! Далее у нас по плану меры по улучшению уборки. Я понимаю, что днём мы и так все заняты. Но давайте постараемся держать пол, окна и двери в чистоте. Времени в обрез, поэтому лозунги сегодня опустим. Итак! Что мы говорим посетителям? *Ирассяимасэ!*

– Ирассяимасэ! – повторяем мы с Сугаварой.

– *Всегда рады!*

– Всегда рады!

– *Спасибо за покупку!*

– Спасибо за покупку!

Повторив за Идзуми-сан все стандартные приветствия, мы в последний раз проверяем свой внешний вид – и с очередным «добро пожаловать» на устах выходим в зал. Сначала Идзуми-сан, за ней Сугавара и потом уже я.

– *Ирассяимасэ!* Доброе утро!

Этот момент я очень люблю. Именно так в меня загружается ощущение особого времени под названием «утро».

Перелив курантов, возвещающий о приходе первого утреннего покупателя, звучит для меня как церковный колокол. Там, за этой дверью, меня ждёт коробка, полная света. Правильный мир, который не перестаёт вращаться ни на минуту. Незыблемый мир внутри заполненной светом коробки, в который я верю всем сердцем.

Выходных у меня два – пятница и воскресенье, и по пятницам я иногда навещаю свою подругу, которая вышла замуж и осталась в родном городке.

В школе я старалась ни с кем не общаться, и друзей у меня почти не было. Но однажды, уже став Человеком-комбини, съездила на встречу одноклассников и неожиданно для себя обзавелась подругой.

– Фурукура? С ума сойти, сколько лет! Тебя и не узнать... – обрадовалась Михо, увидев меня тогда. Мы тут же посмеялись над тем, что наши сумочки различаются только цветом, обменялись мейлами и решили как-нибудь устроить совместный шопинг. С тех пор иногда встречаемся и шатаемся вместе по ресторанчикам и магазинам.

После свадьбы Михо купила в родном городе старый дом, где часто собирает друзей. Иногда я ленюсь ехать к ней, ведь завтра опять на работу, но она – мой единственный связной с миром за пределами комбини, драгоценный шанс пообщаться с ровесницами, «обычными женщинами за тридцать», так что я стараюсь не отказываться от приглашений. Вот и сегодня мы собрались у Михо на пирожные с чаем: она, я, Юкари с малышом и замужняя, но пока бездетная Сацуки.

С Юкари мы не виделись уже давно – её мужа отправили в затяжную командировку, и они долго были в отъезде. Мы уплетаем пирожные, купленные в универмаге на станции, и посмеиваемся над Юкари, которая таращится на каждую из нас по очереди и повторяет: «Как же я соскучилась!»

– Как же хорошо дома... А ведь в прошлый раз, Кэйко, мы с тобой виделись, когда я только замуж вышла, помнишь?

– Ну ещё бы! Мы как раз собирались на свадебное барбекю... Вот же время летит-то, а? – отрываюсь я, микшируя манеры речи Идзуми-сан и Сугавары. Но, похоже, перебарщиваю с эмоциями.

– А ты изменилась, Кэйко... – замечает вдруг Юкари. – Раньше вроде бы говорила естественней. Или дело в новой причёске? Но ощущение от тебя совсем другое.

– Разве? – сомневается Михо, склоняя голову набок. – Мы-то с Кэйко видимся часто... Может, потому и не замечаем?

А Михо права, думаю я. Весь окружающий мир, который я вбираю в себя, постоянно меняется. И даже от воды, наполнявшей меня при встрече с подругами ещё неделю назад, сегодня уже почти ничего не осталось; она обновилась точно так же, как и я сама.

А с Юкари мы в последний раз виделись несколько лет назад, когда в моём комбини подрабатывали одни лишь расслабленные студентики и разговаривала я, конечно, совсем не так, как сейчас.

– Что? И правда так изменилась? – усмехаюсь я вместо объяснений.

– Даже одежда теперь другая, разве нет? – добавляет Сацуки. – Раньше ты вроде бы одевалась проще.

– Кстати! – осеняет Юкари. – Это же юбка с Омотэсандо, верно? Я там такую же примеряла, только другого цвета... Прелесть, да?

– А то! В последнее время только оттуда и одеваюсь! – улыбаюсь старым подругам *изменившаяся* я. С новым голосом – и в новой для них одежде. С которой же «мной» они сейчас разговаривают? Особенно Юкари, она всё повторяет с улыбочкой, как скучала...

Михо и Сацуки встречаются в родном городке постоянно. Так что выражения лиц и интонации у них одинаковы, как две капли воды. Особенно когда обе уплетают печенье – отламывают маникюренными ногтями кусочек за кусочком и отправляют в рот. Я пытаюсь вспомнить, всегда ли они были такими, но безуспешно. Наверно, какие-то мелкие привычки и жесты, свойственные им, время тоже не пощадило.

– А давайте в следующий раз соберём побольше народу? – предложила Михо. – Вот и Юкари вернулась домой. А как насчёт Сихо?

– О да!.. Было бы круто!.. Давайте! – отзывается мы все хором.

– Все приведут мужей и детей, и опять закатим барбекю!

– Классная мысль! Заодно и дети подружатся.

– Да... Здорово, – вздыхает Сацуки с лёгкой завистью в голосе.

– А вы детей заводить не собираетесь? – спрашивает у неё Юкари.

– Собираемся, конечно. Да что-то природа не торопится нам помогать. Думаем обратиться к специалисту... Понимаешь?

– А то как же, – кивает Михо. – Сейчас самое время!

Сацуки усталилась на сладко спящего ребёнка Михо, и мне почудилось, будто я слышу, как утробы обеих подруг поют в унисон.

Тут Юкари, кивавшая с ними за компанию, перевела взгляд на меня.

– А ты, Кэйко, всё не замужем?

– Пока нет...

– Да ну?! И что, до сих пор маячишь в комбини?

На пару секунд я задумываюсь. Моя младшая сестрёнка уже объясняла мне, что в моём возрасте оставаться без мужа и без постоянной работы как минимум странно. Но умалчивать что-либо перед подругами, которые и так знают правду, смысла нет, и я киваю:

– Ну да, всё там же...

Ответ мой, похоже, приводит Юкари в ступор. И я поспешно добавляю:

– С моими болячками я для серьёзной работы не гожусь.

Старым друзьям я давно уже «скармливаю» легенду о том, что страдаю от хронического недуга, отчего и вынуждена подрабатывать в магазине, а не служить в приличной конторе. А в магазине говорю, что у меня больные родители, за которыми нужен уход. И ту и другую отмазку сочинила для меня сестрёнка.

Не иметь серьёзной работы, пока ты юн, – картина вполне обычная, и лет до двадцати пяти мне не приходилось за это оправдываться. Но годы шли, все мои ровесницы заняли в обществе «приличные места» – кто вышел замуж, кто устроился на постоянную работу, – и только я до сих пор не сделала ни того, ни другого.

Все, кто со мной общается, наверняка чувствуют в моих объяснениях некую недомолвку. Ну разве не странно – говорить о слабом здоровье, а в магазине каждый день проводить на ногах часы напролёт?

– Кэйко! А можно странный вопрос? У тебя, вообще, это... ну, был кто-нибудь? – спрашивает Сацуки словно бы в шутку.

– Был?

– Ну, встречалась ты с кем-нибудь или нет? Просто ты сама никогда ни о чём таком не рассказывала.

– А!.. Не, этого не было, – признаюсь я машинально.

Все умолкают. И обмениваются оторопелыми взглядами. Ах да, вспоминаю я запоздало. Даже если на самом деле у меня никого не было, я должна ответить что-нибудь таинственное, скажем: «Ну да, в целом было неплохо, но я не умею как следует выбирать мужиков». Такой ответ создаст впечатление, что переспать-то я точно с кем-то переспала, но ничего конкретнее сказать не могу, ведь то была супружеская измена или что-то вроде. Этой премудрости меня

также научила родная сестрёнка. «На все личные вопросы отвечай как можно абстрактнее, и тогда собеседник истолкует всё так, как ему больше нравится», – наставляла она. Но я всё профукала.

– Знаешь, у меня самой куча подружек-лесби, и я прекрасно их понимаю... Или ты *временно асексуальна*? Такие тоже бывают! – говорит Михо, чтобы как-то загладить неловкость.

– Да-да, сейчас таких всё больше, – подхватывает Сацуки. – Молодёжи, там... и прочих, кому это вообще не интересно...

– Им, кстати, тоже очень трудно совершить каминг-аут, – добавляет Юкари. – Я про них передачу смотрела.

Опыта половой жизни у меня нет, а сексуальность свою я никогда толком и не осознавала. Просто никогда ею не интересовалась. И хотя никаких мук от этого не испытывала, окружающие то и дело зачем-то принимались мне сострадать.

Даже если бы я и мучилась от каких-нибудь комплексов – вряд ли это можно было бы описать так банально, как это выходило у них. Но те, кто проявляет подобное «сострадание», никогда не задумываются о чём-либо по-настоящему глубоко. Таким людям хочется придать чужим комплексам ту форму, которая понятна прежде всего им самим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.